

СНАВА

• • •

В городе Н. с неба постоянно что-то лилось, как будто ребенок пытался размыть неудачный акварельный пейзаж. Вместо приветствия люди ругали погоду, а на праздники дарили друг другу зонты вместо пены для бритья.

А вот Даша всегда любила дождь — чуть ли не единственная в Н. и уж точно единственная в их семье. Еще совсем шкетом Слава боялся грозы, особенно ночью, но пересиливал себя и не забивался под одеяло, а, наоборот, шел к сестре проверить, все ли в порядке. Даша стояла у окна в рваной футболке и улыбалась, как чокнутая или как девушки в запретных отцовских фильмах. «На гром старайся не обращать внимания, — говорила она. — Слушай дождь». И Слава старался изо всех сил.

Если дождь шел летом, Даша иногда выходила на улицу и стояла там, запрокинув голову. Однажды кто-то из одноклассников увидел ее, дополнил историю отвратительными деталями — и вот на нее уже стали показывать пальцем. Хотя Дашка, конечно, не голая там стояла, а просто в телесной водолазке. Потом это забылось — как будто дождем смыло.

...

— С сыром было бы еще вкуснее, но мы, кажется, вчера его доели.

— И так очень вкусно, Слав. Просто я не голодная.

На самом деле было невкусно, похоже на сопливую резину. Но все равно лучше еды в школьной столовке, и не то чтобы его кто-то учил готовить. Мать вздохнула, отломил кусочек. Наверняка держится из вежливости и ждет не дождется, когда Слава уйдет в школу, чтобы поплакать вволю. Может быть, она разрыдается с подвываниями, будет шумно втягивать ртом воздух и яростно кусать губы. А может, наоборот, будет заниматься обычными делами, а слезы просто потекут, как морось с неба, а она разве что безучастно вытрет лицо пару раз. Мать и так и так могла. Дашка раньше умела только

второе, да и то редко. Или просто при Славе редко.

— Что бы я без тебя делала, сынок?

«Сынок» было сигналом, что пора валить. Слава дожевал свою яичную резину, допил чай, чуть не давясь. Мать всхлипнула ему в плечо, когда они обнимались. Слава сжал зубы и сделал вид, что не заметил.

К Дашке он тоже не зашел, потому что был, в общем-то, не очень хорошим человеком.

На улице уже капало. Утро из-за этого казалось ненастоящим, не прорисованным до конца или не прогрузившимся, как новая игра на старом компе. Слава топал сквозь серо-белую муть. Ботинки бесповоротно намокли, а один носок вроде бы был с дыркой. Из-за жирной примеси в дождевых каплях лицо как будто испачкалось. Ныли зубы, сразу все. Слава мог бы, конечно, раскрыть зонт, но какой смысл? А вот Дашке, наверное, даже такой дождь бы понравился.

До школы было недалеко: до конца улицы, потом налево, за «Пятерочкой» свернуть и по диагонали через дворы, пока не упруешься в новостройку. Дальше обойти ее — а там уже школа. Слава дошел до конца улицы и, не раздумывая, повернул направо, в другую сторону.

Он миновал несколько пятиэтажек, сырых и бесцветных, как все в Н. этим утром. На остановке залез в автобус, пикнул проездным. Встал

между девчонкой с черными губами и несчастным отечным мужиком. От девчонки пахло жвачкой, от мужика — отсыревшим картоном. Потом за ними влезла еще и бабка с пустой авоськой, и Славе подумалось что-то об иллюстрации разных поколений, но для мыслей было слишком муторно. Курить, что ли, начать? Всегда будет чего ждать, особенно по утрам.

Автобус неохотно продвигался к окраине Н. Многоэтажек на улицах больше не было, только частные деревянные дома с неопрятными фасадами и жалкими занавесками. Слава доехал почти до конечной, вышел и свернул на тропинку между двумя зданиями. Пришлось довольно долго петлять среди заборов, зато дождь в этой части города уже перестал.

Дом колдуна стоял как бы отдельно от остальных — невозможно не заметить. И забор у него вдвое выше, чем у нормальных людей. Верхушки досок увиты чем-то вроде плюща, но листочки маленькие, темно-красные — на колючую проволоку похоже. Слава постоял, рассматривая забор. Его не красили уже несколько лет, но доски почему-то не отсыревали. Ковырнул пальцем — даже не влажные, хотя ночью наверняка и здесь лил дождь. Под кожу немедленно вошла заноза. Слава пнул забор — нога заболела, как будто он ударил камень.

Мог бы с утра не играть в кулинара, а придумать хоть какой-нибудь план. Шеф-повар, блин.

Пожав плечами, он выудил из сумки черный маркер и вывел на заборе три мелькающие повсюду в городе буквы. Несколько секунд ничего не происходило, а крест «Х» казался почти зловещим. Вдруг ливанул дождь — сразу сильный, не как недавно. Надпись сразу же стала смыываться.

— Ладно, — сказал Слава. — Все только начинается, мужик.

Дождь зарядил еще сильнее.

Вот промочит он ноги, схватит воспаление легких и будет валяться в бреду, ни жив ни мертв. А когда поправится, везде уже успеет лечь снег и город станет другим — полумертвым и красивым, а не как сейчас.

Ладно, он сляжет — мать окончательно свихнется. Придется обойтись банальным насморком.

Когда Слава был маленьким, да и Дашка — совсем небольшой, у них была игра: сесть на первый попавшийся автобус и проехать на нем столько остановок, сколько кто-то из них загадает. Загадаешь, например, число «два» — и уедешь к пруду или кинотеатру «Звезда». А вот если загадаешь больше шести — уже понятия не имеешь, куда приедешь. Может быть, даже за город.

У них вообще было много игр. Даша любила возиться со Славкой, пока не выросла и не стала чужой. Это случилось внезапно, почти что в одно лето. В июне она еще пугала его страшилками, а в августе уже сбегала через окно на всю ночь и не говорила ему, куда идет. Прикладывала палец к губам и фальшиво подмигивала.

«Мамочка, а почему у тебя руки в крови?» — спрашивал мальчик в любимой Дашиной страшилке. Спрашивал, но сам уже все понимал. И маленький Славка тоже понимал, и сладко сосало под ложечкой, а двор за окном был гулкий и живой. *Куда ты сбегашь, Дашенька?*

«Тринадцать», — загадал Слава, старательно глядя под ноги. На номер автобуса смотреть нельзя, иначе неинтересно. Народу внутри было мало, и он забрался на дырявое кожаное сиденье, уперся лбом в стекло. Заснул бы, но слишком воляло бензином.

Двенадцать. Одиннадцать. Полусгоревший дом, полностью сгоревший дом, дом с выбитыми стеклами, помойка.

Десять. Девять. Восемь. «Пиво-воды», «Мир шашлыка», «Продукты 24», детский сад, площадка.

Семь. Шесть. Остановка в клубах дыма, как будто там кто-то кальян раскуривает; царь-лужа, сломанная бетономешалка, недостроенный дом.

Пять. Четыре. Футбольное поле, салон «Натали», универмаг, пятиэтажка.

Три. Два. «Игрушки», кафе «Надежда», «Интим».

Один. Ноль. Гастроном, заправка, вокзал.

Почему бы и нет.

Слава начал сбегать смотреть на поезда, как только выучился запоминать дорогу домой. Со всем крохотным шкетом он опасался вокзала — ощерившегося незнакомыми запахами и звуками, кишящего микробами из дальних городов, а может, даже стран. Шел вместо этого к насыпи, забирался по склону до куста ложного шиповника — тот как раз рос примерно посередине — и садился рядом, таращась на рельсы. Ждал поезд.

Они здесь нечасто ходили — примерно пару раз в час. Днем реже, к ночи почему-то чаще. Некоторые еле плелись, некоторые, наоборот, неслись мимо, обдавая Славу скоростью и ужасом. Как будто он был индейцем, впервые увидевшим британский корабль, землянином, приветствующим инопланетян, инопланетянином, которому удалось подглядеть прибытие прогрессоров. Слава становился старше, сюжеты менялись, но поезда в них все равно участвовали. Когда он подрос еще немного, играть перестал, просто сидел у куста и смотрел. А последние пару лет начал ходить и на сам вокзал: здание

успело подобрать, хотя и стало скучнее. Зато там стоял кофейный автомат и был зал ожидания, из которого тебя никогда не выгоняли.

В игре с загадыванием числа остановок нужно было представлять, что ты здесь в первый раз. Внезапный путешественник, все такое. Слава старательно рассмотрел знакомое здание, недавно выкрашенное в тошнотворный желтый, киоск с вялыми розами, дядьку в синей кепке, искавшего бычки, фонарь со старинной головой, как в исторических сериалах, щербатые ступеньки. Быть восторженным путешественником ему сегодня не удавалось. Тогда просто кофе попьет.

У касс выстроились вездесущие старушки с сумками на колесиках — и, кажется, грустили, что очередь слишком короткая. Может, они компенсируют что-то стоянием в длинных очередях? Ладно, стендапера из Славы не сложится, эту профессию вычеркиваем. Желаемых профессий в списке оставалось все меньше и меньше. Пока что лидировали «дворник» и «разнорабочий». «Алкоголика» пришлось вычеркнуть после одной особенно отвратной тусовки, «машиниста» — когда он попробовал прошлым летом пообщаться с машинистами из Н. Не хотел стать как они.

Вообще не хотел никаким стать. Было в этом вашем взрослении что-то до крайности поганое, будто весь мир смотрел с мерзенькой улыбочкой

и ждал, когда Слава поведется. Что случится после — он не знал, но явно ничего хорошего. Поэтому наилучшим вариантом для момента «когда вырастешь» оставалось хрустящее тараканьей шкуркой «никем».

Зато вот хотелось выпить кофе, уже неплохо.

Пацаны говорили, что в Н. раньше были и другие кофейные автоматы, но в какую-то ночь их все украли. Легенда, отлично отражающая дух города. Слава часто ее вспоминал.

Чудом выживший после той легендарной ночи вокзальный автомат стоял в зале ожидания. Слава не торопясь скормил ему пятаки и принялся ждать. С тихим скрежетом подъехал поезд — «Петербург — Новосибирск», стоянка полторы минуты. Автомат тускло моргнул Славе: готово.

Американо был на вкус как жженые кирпичи, эспрессо — как зола, латте — как молоко с землей. Слава предпочитал капучино — молоко с трухой, brutальнее, чем латте, и не так противно, как эспрессо. Он сел на стул, вытянув ноги, и попытался представить, что куда-нибудь уезжает. «Петербург — Новосибирск» двинулся дальше, к Новосибирску. В зал ожидания вошел мужик в бежевом пальто с широким щегольским воротником и большой сумкой через плечо, протопал к автомату, светя фирменными ботинками. Приложил карточку, но автомат

только злобно пискнул в ответ. Мужик еще раз, несколько обиженно, приложил его карточкой. Автомат снова пискнул. С анекдотическим упорством мужик выудил из кармана бумажник, достал другую карточку и повертел ей перед носом у автомата. Автомат даже до писка не снизошел.

— Он не принимает карты, — сжалившись, констатировал Слава.

Мужик посмотрел на него — внимательно, как мент или консьержка, — и с гротескным смирением кивнул.

— А не подскажете, есть ли поблизости банкомат?

— Вы, я смотрю, весьма целеустремленный. — Слава хмыкнул. — Могу дать вам наличку, а вы переведете.

Мужик поднял бровь, и Слава приготовился разочароваться: сейчас пижон скажет «One hundred rubles» и превратится из чудака в шута, который зачем-то пытается рассмешить сидящего на вокзале сопляка. Но мужик вместо этого ответил в тон:

— А вы весьма изобретательный. Благодарю.

Через несколько минут Слава узнал, что мужика зовут Виктором Сергеевичем М., а мужик — что кофе в Н. не такой мерзкий, как можно было ожидать. Также Слава узнал, что мужик искренне верит, что кофе в автомате может стоить триста,

а не в шесть раз меньше. Так что Слава перевел разницу обратно, ему чужого не надо.

Слава мог бы, в принципе, на этом с ним распрощаться, но было приятно, что мужик воспринимает его как должное, что ли. Обычно, когда он рассматривал кого-то, люди бесились или пытались ему понравиться. А мужик невозмутимо и довольно пил кофе. Сидел на пластмассовом стуле, вытянув ноги, как подросток.

— Хороший у нас кофе?

Мужик кивнул.

— Вполне.

— Это самое хорошее, что у нас есть. — Захотелось его предупредить.

— Наверняка еще что-нибудь найдется.

— Я бы на вашем месте не рассчитывал.

Тем более в таком пальтишке.

— Я учту, спасибо. Скажите, а интернет у вас здесь тоже не ловит?

Слава не без удовольствия пожал плечами.

— Тут низина, вышка не добивает. В центре ловит более-менее.

...

В Н. было три школы: сороковая, коррекционка и для дебилов. Сороковая раньше была гимназией, но ее лишили статуса после какой-то